

ЛУЧШИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
МИРОВОЕ
ПРИЗНАНИЕ!

■ МЕЛИССА ФОСТЕР

АМАНДА В ТЕМНОТЕ ■

ЭКСМО
phantom press

Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 81

Melissa Foster
CHASING AMANDA
Copyright © 2011, Melissa Foster

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Фото автора предоставлено издательством «Фантом Пресс»

Фостер М.

Ф 81 Аманда в темноте / Мелисса Фостер ; [пер. с англ. А. Ахмеровой]. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Лучший психологический детектив. Мировое признание!).

ISBN 978-5-699-65638-7

Восемь лет тому назад Молли Таннер стала свидетельницей похищения девочки по имени Аманда – какой-то мужчина заталкивал ее в минивэн прямо посреди людной автостоянки. Молли тогда решила, что это отец увозит домой непослушную дочь. А через два дня было найдено тело Аманды... После этого жизнь Молли, виновной в этой трагедии лишь себя, пошла кувырком. Удивительной силы образы стали вспыхивать в ее голове – тревожные и пугающие. И вот спустя восемь лет после трагедии Молли будто вновь окунается в знакомый кошмар – из парка рядом с ее домом исчезает семилетняя девочка. Но на этот раз Молли делает все, чтобы спасти ребенка...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Ахмерова А., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013
© «Фантом Пресс», 2013

ISBN 978-5-699-65638-7

ГЛАВА 1 ■

Молли поцеловала мужа на прощанье, закрыла дверь их дома в колониальном стиле и прислушалась к звенящей тишине. Восемь лет минуло со дня гибели Аманды, восемь лет с тех пор, как она сбежала от горьких воспоминаний о Филадельфии и перебралась в спокойный Бойдс, штат Мэриленд. Тихими утрами Молли не раз ловила себя на том, что скучает по неумолчному городскому шуму. Шесть недель назад ее сын Эрик уехал в колледж, и стало еще тошкливее. Босые ноги Молли шлепали по плиточному полу — она прошла на кухню, задержавшись у венецианского окна понаблюдать за своенравным ротвейлером Стелсом и игривым лабрадором Триггером. Позавидовав беззаботной собачьей жизни, она взглянула на календарь, прикрепленный к холодильнику большим магнитом с надписью «Танцуй только для себя!». На сегодня в календаре никаких пометок не было, как и на все остальные дни этого месяца, за исключением третьего четверга, в квадрате которого она нацарапала: «Заседание Общественного комитета». Молли вздохнула, пожалев о временах, когда на каждый день составлялся целый список дел: расписание для Эрика, перечень важных встреч для Коула. Восемь лет назад она отчаянно нуждалась в разме-

ренной, скучной жизни, чтобы не повредиться умом. Сегодня она гадала, не перегнула ли палку. Молли смущенно покосилась на магнит и вспомнила, как лихо они с маленьким Эриком отплясывали на кухне под глупые песенки из «Улицы Сезам». От таких мыслей она невольно улыбнулась. Когда это было, в другой жизни? Молли подняла брови, оглядывая кухню, как ребенок, решивший залезть в конфетницу, и вдруг выдала нечто судорожное, дерганое, совершенно не похожее на танец. В чувство ее привел звонок телефона. «Точно», — сказала Молли магниту и сняла трубку.

— Привет, ма, как дела?

Всякий раз, услышав «ма», а не «мама», Молли улыбалась. Лет в двенадцать Эрик вдруг начал звать ее «ма», когда просил помощи или был в хорошем настроении, а мамой — когда злился, дрожал от страха или волновался. Когда сын был совсем маленьким и не слушался, Молли звала его Эриком Майклом Таннером. «Ма» она сочла признаком взросления, заявкой на самостоятельность.

Молли покраснела, вспомнив свои недавние па.

— Все в порядке, а ты как, нормально?

Молли запнулась, на миг усомнившись, что она хорошая мать. Сразу после переезда из Филадельфии она не могла заботиться даже о себе, не то что об Эрике. Аманда трагически погибла, и, пока Молли оправлялась от страшного потрясения, Коул был сыну и папой, и мамой. Даже сейчас, восемь лет спустя, любое воспоминание о той поре выбивало Молли из колеи.

— Да-да, все путем. Я посоветоваться хотел, ну, о той девушке, Дженне. Мы встречаемся, и довольно часто, а раньше она встречалась с парнем из соседней комнаты. В общем, я...

— Ты его друг и не знаешь, как быть с Дженной, да?

— Ага, — с облегчением произнес Эрик.

Молли ничуть не удивилась: она утешала сына и когда он разбивал коленки, и когда ссорился с подружками. Малышом он выводил ее на улицу, словно на свежем воздухе проще излить душу. Молли представила, как сын опускает глаза, как, задумавшись, кусает нижнюю губу — эта привычка появилась в четыре года и не исчезла до сих пор, — как, услышав ее совет, криво улыбается и облегченно вздыхает. Нервную улыбку сына Молли вспоминала, расспрашивая о дружбе с парнем из соседней комнаты и отношениях с Дженной, которая «очень-очень нравится» Эрику. Чувствовалось, что с этой девушкой у него серьезно, хотя надолго ли это «серьезно», никто не знал.

— Короче, мне нужно решить, настоящий ли я друг тому парню и готов ли причинить ему боль. Ведь если мы с Дженной не расстанемся, ему будет больно, так? — Судя по голосу, Эрик впрямь не знал, как поступить.

— Ну да, примерно так. Стоит ли Дженна того, чтобы причинять другу боль, и стоит ли твой друг того, чтобы за него переживать. — Последняя фраза показалась Молли циничной, и она поспешно добавила: — Проанализируй ситуацию, Эрик. Что бы ты чувствовал на месте друга? Сильно расстроился бы? Подумай, у них с Дженной был настоящий роман или так, студенческие шашни?

— Ага, ясно.

Молли хорошо знала, как переводится этот ответ. «Дело непростое, и сейчас голову ломать не хочется».

— Ты непременно разберешься. Надеюсь, все остальное в норме?

— Да, ма. Спасибо, что еще усложнила задачку! — засмеялся Эрик. — Мне пора бежать. Через пять минут лекция на другом конце кампуса. Я тебя люблю! — Эрик отсоединился, не дав матери ответить.

Как же Молли не хватало объятий сына. Но он уже давно не малыш; теперь это молодой человек, который лишь изредка звонит матери, а не ходит за ней хвостом и не ловит каждое ее слово. Порой ей казалось, что быть мамой малыша — одно, а матерью молодого человека — совсем другое, и спокойно принимать «одностороннее» окончание телефонного разговора — необходимое условие. Молли очень нравилось быть членом родительского комитета, проводить конкурсы и праздники, сопровождать класс на экскурсиях, готовить фоторепортажи с футбольных матчей и даже стоять за боковой линией и молча болеть — Эрик запретил ей открывать рот: ему, мол, неловко, что мать кричит: «Давай, Эрик, вот молодец!» Молли покачала головой — малышом ее сын уже никогда не будет — и пошла наверх переодеваться для пробежки, с невольной улыбкой размышляя о неразрешимых проблемах юности.

В последнее время Молли нередко спрашивала себя, не зря ли они сбежали из Филадельфии в провинцию. За этим вопросом неизменно накатывали страшные воспоминания — об Аманде. Восемь лет

назад Молли не знала, переживет ли не то что день, а хотя бы час. После гибели девочки она, парализованная правдой и чувством вины, рухнула в пропасть депрессии. Вдруг она спасла бы Аманду, если бы поговорила с кем-нибудь, кроме мужа? Тот ужасный вечер не шел из головы, во сне преследовали кошмары, так что забыться не получалось ни на минуту. Молли даже есть не могла. Увольнение ее совершенно не удивило: поездки на службу превратились в пытку. Уличный шум пугал, в глазах каждого ребенка Молли искала страх, в глазах каждого взрослого — злой умысел. Каждый плачущий навзрыд ребенок напоминал Аманду и вызывал дикую реакцию. Родители уводили детей подальше от сумасшедшей, цеплявшейся к ребенку с вопросом: «Это точно твой папа?» или «Это вправду твоя мама?».

Молли хорошо помнила смутную тревогу, которую испытала, когда на ее глазах похитили Аманду.

Дело было прохладным октябрьским вечером. Молли вышла из «Вол-марта» и загружала пакеты с продуктами в багажник, стараясь не обращать внимания на истошные крики девочки, которые доносились из черного минивэна, что стоял неподалеку. Сев за руль, Молли опустила окно. Душераздирающие крики не стихали. Молли дала задний ход и медленно поравнялась с бампером минивэна. Отец заталкивал дочку в салон, а та отчаянно вырывалась. Расстроенный, он мельком глянул на Молли и процедил:

— Куклу ей не купил.

Лишь тогда Молли сообразила, что бесцеремонно газует на них. Сконфуженная, она поспешила уехать, а через три дня увидела фотографию Аманды в газете.

Газетный кошмар сопоставился с образом владельца черного минивэна, и Молли стало ясно, что она видела не отца Аманды, а ее похитителя и убийцу.

Молли поехала. Понадобились годы, чтобы понять суть посттравматического стресса, который она испытывала, избавиться от неадекватной реакции. Далеко не сразу, но она простила себя и медленно пошла на поправку. «Вы сделали все, что могли», — убеждал ее психотерапевт. Молли нашла силы жить дальше. Вот и сегодня она отгородилась от болезненных воспоминаний и напомнила себе, что переборола кошмар. Молли много лет надеялась, что в трясине безотчетного страха больше не увязнет, но порой, погружаясь в прошлое, как сегодня, начинала в этом сомневаться. Она запретила себе раскисать и, как учил психотерапевт, запустила «программу самосохранения» — громко и четко проговорила, что от стресса избавилась, а Аманда погибла не по ее вине. «И в Бойдс мы не зря переехали», — подумала Молли. Эрик быстро поладил с одноклассниками и соседскими детьми, а Коул без проблем перевелся в местную больницу. Молли понравился маленький дружный Бойдс, большинство жителей которого, фермеры, родились здесь и жили всю жизнь. Куда спокойнее, когда знаешь, кто твои соседи, а чужаков в городке площадью три тысячи акров — раз, два и обчелся.

На стоянке Бойдской Пресвитерианской церкви тосковал лишь «Шевроле» пастора Летт, который, как порой казалось Молли, с нее не исчезал. Подколенные сухожилия словно огнем зажглись: Молли потянулась к солнцу, чувствуя, как каждая мышца пульсирует, пробуждаясь от сна. Раз — Молли подняла руки вверх и шумно выдохнула. Чем заполнить сегодняш-

ний день? Чем себя занять? Молли с нетерпением ждала утренних пробежек, позволявших отвлечься от домашних хлопот, которые она с трудом растягивала на день.

Последний наклон, чтобы расслабить бедра, — Молли изогнулась так, что голова оказалась между колен, а длинный каштановый хвост свесился до земли. Из-за спины донеслось странное щелканье, но вниз головой мало что разглядишь. Обернувшись, Молли заслонила глаза от яркого солнца и заметила, как мимо белого дощатого здания старой церкви пронеслась синяя птица. Молли послышался негромкий мамин голос: «Птичка, птичка синяя, улетай! От тебя покоя нет, так и знай». Молли раздраженно выдохнула и поморщилась. Мать обожала ненароком ронять замечания, которые, как впоследствии поняла Молли, были предупреждениями. Молли с детства знала: мама — ясновидящая, а когда поняла, что этот дар достался и ей, посчитала его совершенно нормальным. Как и мать когда-то, видения она называла Картинами. Сейчас Молли дорого дала бы, только бы забыть свой дар как кошмарный сон. До гибели Аманды видения были нерегулярными, нечеткими и, как песок во время прилива, ежесекундно меняли форму. Гибель девочки изменила в жизни Молли абсолютно все, в том числе частоту и четкость видений. В отличие от большинства матерей, Молли не отмечала свою жизнь важнейшими вехами жизни ребенка. Для Молли существовала только «жизнь до Аманды» и «жизнь после Аманды».

В тени церкви Молли заметила пастора Летт; та стояла одна, безвольно опустив длинные руки. Сразу после переезда в Бойдс Молли решила,

что женщина-пастор — это очень прогрессивно для маленького городка, а сейчас, наблюдая, как та смотрит на кукурузное поле, другого пастора даже не представляла. Пастор Летт была замкнута и слегка мужеподобна, но Молли ни то ни другое не смущало. Она быстро прониклась к ней доверием и рассказала о трагической гибели Аманды. Пастор Летт была очень терпелива и всячески поддерживала Молли, которая появлялась в церкви несколько раз в месяц, чтобы освободить душу от хаоса. «Изгнание хаоса» — именно так пастор Летт называла их разговоры. Она повторяла, что неуверенность может одолеть любого человека: правильно ли он поступил, верный ли выбор сделал? Нужно освободиться от хаоса и навести порядок в душе, чтобы жить достойно во благо себе и другим. Молли с улыбкой вспомнила их встречи, которые с годами стали реже, ведь по-немногу, но она пришла в себя.

— Пастор Летт! — Молли помахала рукой.

Пастор обернулась, спрятала руки в карманы, сутулилась и, коротко кивнув, нырнула в церковь. Не самое любезное приветствие, но Молли не обиделась: пастор, наверное, занята и о чем-то размышляет. Со стоянки Молли направилась к Уайт-Граундроуд, пустынной проселочной дороге длиной в три мили, огибающей старую часть Бойдса. Она каждое утро бегала этим маршрутом.

Первые полторы мили Молли бежала быстрее обычного: хотелось отрешиться от тревожных мыслей об Эрике и сосредоточиться на прохладном осеннем воздухе, с каждым вдохом наполнявшем легкие. Наконец ритмичный стук ног успокоил ее, и

Молли постепенно сбавила скорость. Теперь она бежала себе в удовольствие.

Собственное тело не переставало удивлять Молли. В сорок два она без проблем пробегала по несколько миль, но больше всего радовала не физическая форма, а неутолимое желание бегать и уверенность, которую давал бег. Психотерапевт как-то поинтересовался, наверное, не без оснований, не является ли бег символом прошлого, не от него ли она бежит. Образ так и застрял в сознании Молли. До случая с Амандой Молли бегала, чтобы поддерживать форму. А после бег превратился чуть ли не в смысл жизни. Молли не работала, и мысли об Аманде постоянно лезли в голову. Бег стал единственным спасением от горьких размышлений.

Что может быть прекраснее ветвей высоких дубов, обрамляющих проселочную дорогу? Молли знала каждую яму и рытвину, знала, где любят бродить олени и даже где ярче всего светит солнце — на повороте у фермы Ханны Слейт. Скоро асфальт сменится мягким грунтом и гравием. Напряжение спадало, и Молли жадно вдохнула аромат погожего осеннего дня.

Ей только кажется или впрямь похолодало? Молли побежала быстрее, пульс участился. Через несколько секунд воздух стал ледяным. Молли покрылась гусиной кожей, по спине поползли мурашки. Судорожный глоток — умиротворения как не бывало, его вытеснила уверенность: вот-вот что-то случится.

Дрожащей рукой Молли вытерла лоб. Шорты и топик липли к поджарому телу. В уши набилась жуткая тишина, перед глазами потемнело, во рту стало кисло. Каждый вдох давался ценой невероятных усилий. Ноги одеревенели. *Нет! Не сейчас!* Молли за-

жмурилась, заставляя себя успокоиться, чтобы голова не раскололась от напряжения. Бесполезно, ничего не поможет! Молли прижала кулаки ко лбу, готовясь к неизбежному. Сознание заволочло густым туманом. Случайный прохожий, увидев, как ее трясет, решил бы, что это припадок или приступ. Только ведь прохожий не знает разницы между припадком, приступом и Картиной, а Молли знает.

Молли отчитала себя за то, что столько лет позволяет Картинам собой управлять, — марионетка, а не человек! Так или иначе, остановить их она не могла. В голове уже вспыхнула Картина. *Сумрачная комната-пещера, в углу дрожит от ужаса девочка, резко пахнет сырой землей.*

Молли рухнула на землю и зарыдала от страха и отчаяния: «Нет! Нет! Нет!» Не в силах шевельнуться, она лежала среди сухой грязи и гравия. В голове царил полный сумбур, война между страхом и отрицанием, — страхом перед тем, что показала Картина, и собственным отрицанием ее правдивости. С реальностью Молли сейчас связывала тоненькая ниточка. Горло словно стиснуло обручем, невозможно дышать. Она с трудом встала, пошатнулась и, схватившись за шею, отчаянно попыталась протолкнуть воздух к легким. Наконец первый судорожный, болезненный вдох. Шаг, еще шаг — нужно выбраться с этой пустоши, хотя бы вон туда, за поворот. Дрожащая от ужаса девочка снова мелькнула перед мысленным взором, но ее образ тотчас сменился другим, вьевшимся в память, — образом Аманды. По щекам Молли заструились слезы, на сердце лег хорошо знакомый камень.

«Дыши, дыши, дыши!» — подгоняла себя Молли и брела дальше. «Я не виновата!» — стучало в сознании.

Видения давно стали частью ее жизни. Молли огляделась: сплетенные над головой ветви, поваленные стволы, густой кустарник не собирались ее щадить. Сосредоточиться никак не получалось: мысли были слишком беспорядочными, тело — слишком слабым. Мир вокруг лишился смысла.

До дороги Молли добралась с трудом. У поворота, где Уайт-Граунд пересекалась с Олд-Баклодж-лейн, почувствовала себя лучше и зашагала быстрее, решив добраться до фермы Ханны, прежде чем очередная Картина накроет ее.

В кровь хлынул адреналин, и Молли побежала. Она буквально взлетела на холм и пронеслась полмили до фермы и старого красного дома Ханны. Казалось, она попала не на ферму, а в другую вселенную — здесь легче дышалось, пели птицы, на пастбище резвились лошади. Вот она, нормальная жизнь. Ханна с собакой, маленьким биглем с длинными коричневыми ушами и коричневым хохолком на спине, стояла у крыльца.

— Эй, Молли! — Ханна приветливо помахала ей.

Молли схватилась за левый бок, нащупала шов. Адреналина как не бывало, мысли снова превратились в мешанину из страха и неверия. Она подняла руку в знак приветствия и опустила на траву.

— Молли, что с тобой? — Ханна уже бежала к ней. — Ты словно призрака увидела. — Она села на корточки рядом с Молли, взяла ее за руку. — Ты меня слышишь?

Прикосновение ладони, крупной и огрубевшей от долгих лет работы на ферме, немного успокоило.

— Молли, что случилось?